

В. Ф. Коммиссаржевская и ея роль въ исторіи новыхъ теченій въ театрѣ.

„Жизнь начинается тамъ, гдѣ начинается исканіе правды, гдѣ оно кончается — прекращается жизнь“.

Джонъ Рёкиннъ.

Вышелъ „Сборникъ памяти В. Ф. Коммиссаржевской“ подъ редакціей Евт. П. Карпова. Сборникъ составленъ такъ любовно и увлекательно, что образъ артистки-подвижницы, образъ этой „полусказочной принцессы сцены“ встаетъ какъ живой, связанный съ нами неразрывно тайными думами нашими, сладкими воспоминаніями восторговъ, пережитыхъ нами въ ту пору, когда Коммиссаржевская вся горѣла трепетомъ вдохновенія, когда „какое-то лучезарное преображеніе сіяло со сцены и частицу этого лучистаго свѣта каждый уносилъ къ себѣ изъ театра домой“....

Тѣ, кто тебя полюбили
И разлюбить не могли,—
Снова сойдутся къ могилѣ,
Станутъ вдали.

Сонъ твой ничѣмъ не встревожатъ.
Сонъ твой безмѣрно глубокъ...
Только вздохнуть и положить
Бѣлый вѣнокъ“...

Такими стихами почтилъ годовщину смерти В. Ф. Коммиссаржевской Дмитрій Цензоръ. Стихи эти тоже напечатаны въ сборникѣ ея памяти. И весь сборникъ этотъ производитъ впечатлѣніе „блага вѣнка“, гдѣ каждый лепестокъ говоритъ о переживаніяхъ той, которая владела даромъ зажигать людскія сердца,—о ея жизни, о ея мечтахъ, о ея „святомъ безпокойствѣ“ отъ первыхъ годовъ жизни до трагическихъ послѣднихъ минутъ въ Ташкентѣ. И поэтому интересъ, вызванный сборникомъ, громадный. Интересъ этотъ касается не только личности и таланта артистки,—какъ бы обаятеленъ этотъ талантъ ни былъ,—значение сборника усиливается той эпохой новыхъ теченій въ искусствѣ, которая связана неразрывно съ именемъ и театромъ В. Ф. Коммиссаржевской. Много въ этомъ театрѣ было ошибочнаго, ложно истолкованнаго,—отъ многого артистка—руководительница театра

отрекалась въ мучительномъ разочарованіи, но „исканія“ тѣхъ тревожныхъ лѣтъ обновили театръ, всколыхнули его рутину, а нѣкоторыя вѣрованія Вѣры Федоровны стали стимулами всего нашего времени. Вѣчно ищущая, вѣчно недовольная собой Коммиссаржевская мечтала о театрѣ-храмѣ, о такомъ театрѣ, гдѣ бы жизнь познавалась въ ея вѣчныхъ, великихъ духовныхъ началахъ.

Въ этомъ смыслѣ новѣйшія исканія въ театрѣ соприкасаются съ завѣтами древности. Точно также они стремятся къ отрѣшенности отъ внѣшняго ради раскрытія глубинъ бытія, точно также символическая и героическая драма „новаго театра“ перестаетъ быть уединенной, а ищетъ созвучія въ сильныхъ и яркихъ аккордахъ съ душой народной. Подобно античному театру, наконецъ, „новый“ театръ хочетъ упростить декорации и аксесуары, выдвигая на первый планъ творческую самодѣятельность актера и облегчая постановку сложнаго репертуара.

Эта борьба съ натуралистическими методами не случайна: ее подсказываетъ историческая эволюція театра. Античный театръ съ его культурнымъ значеніемъ всенароднаго общенія раздробился съ вѣками и измѣлчалъ. Исканія новыхъ сценическихъ формъ въ настоящее время не капризъ моды. Измѣнившаяся жизнь, новые явленія культуры, къ которой приобщаются широкія массы, все зоветъ къ возрожденію единаго, всенароднаго театра. И всѣ исканія „новыхъ“ путей ведутъ къ античному театру, съ его социальнымъ значеніемъ, съ активнымъ участіемъ зрителя — въ дѣйствіи, съ простотой обстановокъ, наряду съ гармоніей линій и красокъ, съ ритмомъ пластическихъ движеній, — къ единому театру, способному воспринять богатый и разнообразный репертуаръ, нужный намъ теперь. Потому что только такой театръ можетъ имѣть вліяніе на дальнѣйшую культуру народа. Для такого театра въ будущемъ работаютъ теперь, о такомъ народномъ театрѣ мечтаютъ всѣ, кто серьезно и любовно служить этому дѣлу...

Предтечей такого театра у насъ, театра—духа была В. Ф. Коммиссаржевская, и поэтому имя ея, какъ немногихъ артистокъ, окружено ореоломъ подвижничества...

Сборникъ ея памяти даетъ ключъ къ пониманію индивидуальных особенностей Вѣры Федоровны, — къ пониманію ея роли въ искусствѣ, ея связи съ явленіями духовно—эстетической жизни за краткое, но такое содержательное время ея творческаго служенія театру. Сцена за сценой проходитъ передъ вами вся жизнь артистки, и въ увлеченіи отъ документовъ о прекрасномъ, изложенныхъ людьми, отзывчивыми къ духовности, — вы не можете оторваться отъ этихъ страницъ, пока не дочитаете ихъ до конца.

Вотъ передъ вами маленькая Вѣрочка, впечатлительная и живая, которая въ семействѣ отца своего, знаменитаго пѣвца Ф. П. Коммиссаржевскаго, разыгрываетъ въ дѣтской драмы и комедіи собственнаго сочиненія. Вотъ Вѣрочка послѣ разрыва отца съ матерью ведетъ кочевую жизнь, то въ семьѣ гувернантки своей, то опять съ матерью. Отца своего Вѣра Федоровна всегда обожала со всей восторженностью своей натуры. Разрывъ Федора Петровича съ семьей, семейныя неурядицы, скитанія по чужимъ людямъ, постоянная перемѣна учебныхъ заведеній, необезпеченное матеріальное положеніе, — все это не могло не отразиться на характерѣ впечатлительной, нервной дѣвочки. Къ гимназическимъ занятіямъ Вѣрочка относилась довольно лѣнливо. Была симпатичнымъ, наивнымъ ребенкомъ, не выносившимъ никакихъ застывшихъ правилъ, никакой опредѣленности, никакого развѣ установленного порядка. Въ юности В. Ф. отличалась скромностью, не обращала на себя вниманія, даже стѣснялась пѣть, несмотря на то, что всѣхъ плѣняло ея пѣніе.

Въ 1883 году, живя съ матерью въ Петербургѣ, Вѣра Федоровна встрѣтилась съ молодымъ, талантливымъ художникомъ, графомъ В. Л. Муравьевымъ. Молодые люди полюбили другъ друга и вскоре поженились. Но черезъ немного лѣтъ свѣтлое ликованіе В. Ф., обожавшей своего мужа, смѣнилось тяжелой душевной драмой. Больная, почти ненормальная психически, пережившая разочарованіе, она оставила мужа навсегда. Она поселяется у матери въ Петербургѣ, и въ этотъ періодъ времени у нея зарождается мысль поступить на сцену. Она поступаетъ ученицей къ В. Н. Давыдову. Но болѣзненные отзвуки пережитого не даютъ ей всецѣло посвятить себя искусству,

да и В. Н. Давыдовъ не пророчилъ ей блестящей артистической будущности. Вѣра Федоровна бросаетъ уроки и переселяется къ отцу въ Москву. Здѣсь въ сезонъ 1892 года рѣшилась ея артистическая судьба. Она участвовала въ любительскомъ спектаклѣ, которымъ режиссировалъ К. С. Станиславскій. Шли „Плоды просвѣщенія“. Коммиссаржевская играла Бетси. На спектаклѣ случайно присутствовалъ артистъ Киселевскій. Онъ пришелъ за кулисы, сказалъ нѣсколько комплиментовъ и прибавилъ:

— Вамъ грѣхъ зарывать талантъ... Вы должны идти на сцену.

— Не беретъ никто... отвѣтила Вѣра Федоровна.

— А вы серьезно хотите?

— И очень даже, да не знаю, какъ попасть...

— Я васъ устрою, будьте покойны...

Киселевскій устроилъ Вѣру Федоровну на роли вторыхъ инженю и водевилъныхъ въ Новочеркасскъ къ Синельникову, гдѣ была тогда хорошо организована труппа, и Вѣра Федоровна сразу стала твердой ногой на сценѣ и выявила свое дарованіе. Затѣмъ сезоны отъ 1894—1896 года В. Ф. служила въ Вильнѣ у Незлобина, гдѣ пользовалась громаднымъ успѣхомъ, а весной послѣ дебюта въ роли Розы въ „Божь бабочекъ“ была принята на скромный окладъ въ труппу Александринскаго театра. Дальнѣйшая ея карьера, вся внѣшняя сторона ея успѣховъ, вся ея глубокая связь съ публикой, любившей Вѣру Федоровну горячей любовью — еще у всѣхъ въ памяти; смерть только прервала ея жизнь, но память объ артисткѣ, служившей правдѣ и красотѣ, она еще уничтожить не скоро...

„Съ Коммиссаржевской мы были связаны тайными думами нашими, сладкими вождѣлѣніями чувства, всѣмъ, что реализуетъ искусство до степени живой любви“, говоритъ Юрій Бѣляевъ, авторъ одной изъ лучшихъ характеристикъ Вѣры Федоровны въ „Сборникѣ“... „Есть двѣ категоріи артистовъ,—пишетъ Ю. Бѣляевъ. Одни идутъ на сцену для жизни, другіе отъ жизни. Первые поступаютъ обыкновенно рано, чуть ли не съ дѣтскихъ лѣтъ; на сценѣ развиваются и внѣшне и духовно, учатся своему искусству, познаютъ его законы, искушаются въ актерской этикѣ и въ день своего юбилейнаго торжества говорятъ съ гордостью:

„сцена моя жизнь“... Другіе артисты идутъ на сцену отъ жизни. Это уже вполнѣ готовые люди, въ большинствѣ случаевъ достаточно поломанные жизнью, люди съ пережитымъ, съ надорванной душой, со сткляницей горькихъ слезъ. Эти артисты вмѣсто всякихъ юбилейныхъ девизовъ могутъ, пожалуй, сказать о себѣ: „жизнь была нашей первой сценой“. Вотъ къ этимъ то артистамъ „отъ жизни“ и принадлежала Коммиссаржевская... Счастливы тѣ актеры, которые могутъ черпать и радости и страданія изъ склада готовыхъ пріемовъ, у кого холодная кровь и сухія слезы. Несчастны тѣ, кто воистину переживаетъ каждое движеніе души, кто плачетъ настоящими слезами, чье сердце обливаема кровью во имя его героя. Надо-ли говорить, что Коммиссаржевская играла именно такъ. Ее за это называли реалисткой. Но, очевидно, у насъ смѣшивали реализмъ съ какой-то болѣзнью, если совѣтовали артисткѣ полечиться отъ реализма. Коммиссаржевская никогда не была реалисткой въ полномъ смыслѣ этого слова, ну, скажемъ, въ смыслѣ Стрепетовой. Въ ея игрѣ всегда была нѣкоторая отвлеченность, и мистика, и символы. Она всѣмъ существомъ стремилась къ новымъ вѣяніямъ, къ новымъ формамъ... Реалистка... Нѣтъ, она никогда не была ею. Она часто совершенно отходила отъ роли, перенимала образы, какъ только не могла показать въ изображенномъ лицѣ себя... Эта актриса „отъ жизни“ давала на сценѣ все, что получала въ жизни: свою страсть, свой голосъ, свои чудесные глаза... Ея музыкальная душа, ея ритмическое исполненіе давало сладкое ощущеніе мелодіи... Въ апогеозѣ ея сценической славы мнѣ бы хотѣлось изобразить ее именно такой необыкновенной актрисой, полусказочной принцессой сцены, которая очаровывала зрителей... Но сказка кончена... Ангелъ смерти можетъ сказать намъ въ утѣшеніе:

„Ея душа была изъ тѣхъ,
Которыхъ жизнь одно мгновеніе
Невыносимаго мученія,
Недостигаемыхъ утѣхъ;
Творецъ изъ лучшаго вѣира
Соткалъ живыя струны ихъ,
Онѣ не созданы для міра
И міръ былъ созданъ не для нихъ“.

(Оконч. слѣдуетъ).